

6. Имханицкий М. История исполнительства на русских народных инструментах / М. И. Имханицкий. — М. : Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2002. — 351 с., ил., нот. ил.
7. Мациевский И. Народная инструментальная музыка как феномен культуры / И. В. Мациевский. — Алматы : Дайк-пресс, 2007. — 520 с.
8. Петрик В. Категория инструментализма в музыке (на примере домрового творчества) : дис... канд. искусствовед. : спец. 17. 00. 03. — Одесса, 2009. — 197 с.
9. Раппопорт С. Природа искусства и специфика музыки / С. Раппопорт // Эстетические очерки. Избранное / Моск. гос. консерватория. — М. : Музыка, 1980. — С. 63–102.
10. Соколов О. Морфологическая система музыки и ее жанры : автореф. дис. ... д-ра искусствовед. : спец. 17. 00. 02 «Музыкальное искусство» / О. Соколов. — М., 1995. — 44 с.

Черноиваненко А. Музично-інструментальне мистецтво як культурний феномен. У статті розглядаються питання специфіки інструментального музичного мистецтва, заснованої на його здатності до прояву чисто художніх функцій, що виражається в засобах музичної виразності і мислення.

Ключові слова: музичний інструмент, музично-інструментальне мистецтво, музичний інструменталізм, музичне мислення.

Chernoivanenko A. Music and instrumental art as a cultural phenomenon. The article deals with the specifics of the instrumental music, based on its ability to exercise purely artistic function, which is expressed in the way of musical expression and thought.

Key words: musical instrument, musical and instrumental art music instrumentalism, musical thinking.

УДК 781.6.083.2: 27–23

И. Кривошей

РУССКИЙ РОМАНС: БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ «БОГ — ХУДОЖНИК МИРА»

Статья посвящена роли библейских мотивов и сюжетов в формировании поэтики русской вокальной музыки. Сложное пересечение авторского и библейского контекста рассматривается в аспекте ценностно-смысловых ориентаций русской культуры. Так, в русской традиции

красота окружающей природы всегда воспринималась как Божественный промысел.

Ключевые слова: камерная вокальная музыка, русский романс, Библия, библеизмы, Бог, красота природы, созерцание, Божественный промысел.

Идея Бога в русском романсе — своеобразная ось, на которую накладывается обширный круг мотивов и тем: у каждого композитора, говоря словами В. В. Розанова, «свой Бог» [15, с. 417]. Однако даже сложное переплетение библейских сюжетов с авторским контекстом не мешает увидеть в русской вокальной музыке особенность (независимую от авторства и времени написания романса), характерную для русской культуры: восприятие мира как Божьего промысла.

Слово «Бог», как отмечают философы, относится к словам, «не имеющим предмета, который мог бы быть дан помимо слова на опыте» [11, с. 28]. Бога как сущности всего и вся нельзя объективировать, но его можно «ощутить». Бог — это всегда поиск в земных явлениях Красоты, Любви, Преображения — к Богу ведут различные пути. Один из них в русской культуре восходит к традиции восхищения и преклонения перед красотами земной жизни как проявления благодати и творчества Всемогущего¹.

Уже в народном поэтическом творчестве укрепилось восприятие причастности Бога ко всем событиям жизни, природы, всего мироздания:

*Солнце красное от лица Божия...
Зори белая от очей Божиих...
Ночи темные от дум Господних...
Дожди сильные от мыслей Господних...
Роса утренняя, роса вечерняя
От слез Его, самого Христа... [19, с. 41].*

Светлое православное мировосприятие научило видеть в природе живую силу Божества. И не случайно русский философ И. Ильин утверждал, что для русского народа природа — окно к Богу: «Прозябать, разрушать, вымирать можно в русской природе *без Бога*. Но жить в русской природе, созерцать ее, одолевать ее, творить в ней, строить в ней великую культуру и великую государственность без

¹ Попытка воплотить свое видение Бога в природе всегда побуждало русских художников к передаче духовной красоты пейзажа. Например, И. Левитан, работая на пленэре, часто говорил ученикам: «Дайте красоту, найдите Бога, передайте не документальную правду, но художественную».

Бога невозможно» [9, с. 218–219]. Гармония природного ландшафта в русской традиции изначально и органично связывалась с идеей *любования* природой, *любованием* чудом, *сотворённым* Богом.

Словарные толкования лексемы «любование» в русском языке образуют синонимический ряд «созерцание — любование — красота — радость»¹. Любовь к миру, природе изначально и органично присущая русским как «пристань всякой радости» (Котельников) [10], образует в русской культуре метафорический комплекс Радости [14, с. 61–67], для которого обязательна своя атрибутика — Добро, Красота, Любовь, Вера, Покой, Блаженство, Благодать, Утешение, Святость².

Как видим, символика комплекса Радости многозначна, но в ряде произведений русской культуры она, несомненно, связана с образами мира как божественной красоты. Заметим, что в ряду важнейших библейских заветов — мотив радости: «Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5: 16) [5], «Да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15: 11) [5].

Эмоциональное поле «радости», элементы которого концентрируются в формуле «КРАСОТА ПРИРОДЫ — Я — БОГ» [3, с. 72], в русском романсе формирует «пейзажная» лексика «идеального ландшафта» в сочетании с лексикой сакральной.

Не являясь строго эксплицитным компонентом как библейского, так и художественного текста, лексема «радость» в вокальном пейзаже не имеет явных денотатов, но она может «показываться», «вычитываться» в поэтическом тексте как отождествление красоты окружающего мира и Бога. Зрительно-изобразительные лексемы репрезентируют то, чем привык с детства восхищаться взгляд русского человека: ковры степных лугов («Здесь хорошо» С. Рахманинова на слова Г. Галиной), бескрайнее море нивы, цветущий сад («Когда волнуется желтеющая нива...» Н. Римского-Корсакова, Ц. Кюи на

---

¹ В русских словарях лексема «любование» толкуется как «созерцание с удовольствием» [13, с. 286]; «смотреть на что с удовольствием, любовью, осматривать, что нравится, наслаждаться созерцанием [7, с. 283]. Высшая степень удовольствия от предмета или событий — это радость [7, с. 8].

² Присутствие в метафорическом комплексе Радости, казалось бы, исключаящих её слов «Покой» и «Утешение» восходит к традициям Восточной Церкви, для которой празднование Воскресения остается главным праздником, тогда как в западной традиции усматривается акцент на Рождество (С. Булгаков, В. Шубарт, В. Розанов, Е. Трубецкой, С. Аверинцев). В доминанте пасхальности сочетаются две стороны одной религиозной идеи: «нет Пасхи без Страстной седмицы, и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня» [18, с. 448].

слова М. Лермонтова). «Идеальный» пейзаж, приковывающий восхищенный взгляд, имплицитно библийское слово о присутствии Бога-творца: «Вся земля покоится, восхищается от радости» (Иов. 37: 22) [5] и «окрест Бога страшное великолепие» (Ис. 14: 7) [5].

Ощущение величественности Бога как творца мира в поэтических первоисточниках проецируется на панорамный пейзаж и создается благодаря словесным оппозициям «здесь» / «вдали» («Здесь хорошо»), «у окна» / «высоко в небе» («Мгновение» Н. Мясковского на слова З. Гиппиус), «горы» / «долина» («Долина-храм» Н. Мясковского на слова Вяч. Иванова), «желтеющая нива, цветущий сад» / «небеса» («Когда волнуется желтеющая нива...» М. Балакирева, Н. Римского-Корсакова, Ц. Кюи на слова М. Лермонтова). Красота открытого простора в словесных первоисточниках дается как переживание вселенской гармонии через призму представлений об исходных стихиях и содержит аллюзию на библийское: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Библия: Быт. 1: 31) [5].

Величие панорамного пейзажа создает иллюзию пребывания человека на грани двух миров — горного и дольного. Уникальность семантической сферы «радости ощущения Бога», в конечном счёте, выражается в ощущении внутренней и внешней гармонии; экспликация связи дольного и горного возникает за счёт интериоризации — перевода внешнего во внутреннее. Человек внемлет божественной красоте природы, и идеальный пейзаж воспринимается как духовный Абсолют, снимающий в запутанных глубинах души противоречия людского несовершенства.

Так, цвета, ароматы, звуки, сливающиеся в неповторимый пейзаж в романсах М. Балакирева, Н. Римского-Корсакова, Ц. Кюи «Когда волнуется желтеющая нива...», дают возможность почувствовать радость на земле и ощутить гармонию окружающего мира, наконец-то уверовав в существование Бога:

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле
И в небесах увидеть Бога.
(«Когда волнуется желтеющая нива...»)*

Подобное наблюдаем и в романсе С. Рахманинова «Здесь хорошо». Душевная гармония и непреходящая радость от чувства близости Бога являются камертоном этого «вокального пейзажа»: «Здесь только Бог, да я, да ты, мечта моя». В романсе Н. Мясковского

го «Мгновение» ощущение того, что «в мире только Бог, небо и я», рождается от созерцания чистого белого снега и тихого, ясного неба: «Созерцание красоты и гармонии природы есть уже духовный опыт» [4, с. 61]. В поэтическом первоисточнике этого «вокального пейзажа» библейский мотив объединяет слова, в общем-то, не являющиеся собственно библейскими, но за которыми обнаруживается обширный лексический фон, связанный с христианством: русская поэзия всегда «слышала Бога».

Слово не является единственным манифестантом мотива тихой радости в романах. Однако вербальный компонент выступает в качестве промежуточного звена, который в русском вокальном пейзаже формирует семантику музыкальных знаков, имплицитующих «идеальный пейзаж» как Божий промысел.

В русском романсе образ единения с Богом в созерцании «идеальной природы» нашел своё воплощение в звуковых метафорах, в частности, в иконографии волны. Напомним, что представления об эмоциях и переживаемых чувствах как жидкости, которую из чаши пьёт человек [6, с. 257] или которая наполняет душу и сердце человека [1, с. 98], пришли к нам из библейской мифологии¹ (отсюда образы волны и ветра, прилива и порыва).

Определяя семантику иконографии волны, необходимо, прежде всего, апеллировать к вербальному осмыслению: экспликация музыкального «мотива волны» возможна только в контексте содержательной формулы романсов — «тихая радость» от созерцания природы — момент наивысшей духовной активности человека.

Надо сказать, что «текучесть» звуковой материи и в музыковедении всегда отмечалась как инструмент эмоционального воздействия (Б. Асафьев, Е. Назайкинский, М. Смирнов, В. Медушевский, Д. Кирнарская и мн. др.). Напомним, что Б. Асафьев, анализируя оперы Н. Римского-Корсакова, указывал на присутствие «текучести» мелодических мотивов, «знаменующих кротость, душевную простоту и *нищету*² Февронии, её радостного приятия мира» и линейно-геометрического орнамента для «обусловливания абсолютного бытия» [2, с. 104–107]. В музыковедческих трудах довольно часто отмечается связь тяготеющего к неизменности и возвратности «конту-

---

¹ Выражение «испить чашу страданий» восходят к Евангелиям от Матфея, Луки и Марка. О чаше вина ярости Божьей говорится и в Книгах Пророков Исаии (Ис. 14: 7) [5] и Иеремии (Иер. 25: 15) [5].

² Курсив Б. Асафьева.

ра волны» не только с образами пространственности и пленэрности, но и с «ощущением радости бытия, связанного с представлениями о мудрости простого и вечного» (Е. Назайкинский), «молитвенным созерцанием, общением с вселенной» (Д. Кирнарская), «благодным покоем», «уходом от жизненного потока» (М. Смирнов). Другими словами, через призму многочисленных конвенций «образ волны» в музыкальных текстах фиксирует путь «от пленэрного и пейзажного пространства к идеальной сфере художественного созерцания» [12, с. 131].

Статичность «покачивающегося» волнообразного движения (как правило, триольного) в медленном темпе, на пианиссимо традиционно давала яркий ассоциативный спектр значений покоя, созерцания, пленэрной среды, радости бытия. Но в контексте слова (красота природы ↔ ощущение близости Бога) семантика этого музыкального знака приобретает новые обертоны. В контексте слова внутренняя сдержанность выражения, медленные темпы мягкого, волнообразного движения прозрачной фактуры на *p* в романсах «Когда волнуется желтеющая нива...» (Ц. Кюи, Н. Римский-Корсаков), «Здесь хорошо» (С. Рахманинов), «Мгновение» (Н. Мясковский) аллюзируют тихие голоса природы, создают завораживающую атмосферу лёгкого, радужного парения, ощущения гармоничного диалога макро- и микрокосмоса.

Музыка в романсах придает слову многозначность и открывает дополнительные оттенки и грани смысла. Так, например, ниспадающие октавы в высоком регистре на *pp* органично сочетаются со словом — «сквозь окно светится небо высокое». В звуковысотной кульминации романса Рахманинова «Здесь хорошо» (на словах «да ты, мечта моя») партия голоса исполняется на *pp*, и «си» второй октавы, лишённый плотности, конкретности звучания, воспринимается как более отдалённо звучащий, хрупкий, бестелесный. Уход в более высокий регистр сочетается с ослаблением звучания и воспринимается как удаление образа, растворение его в пространстве, что может быть истолковано как символ исчезновения, недостижимости. Фортепианное заключение ещё в течение семи тактов сохраняет эту мечтательную, воздушную атмосферу последней вокальной фразы. Применение «диалогической фактуры» (В. Цуккерман) [21, с. 24] делает окончание романса глубоко обоснованным всей логикой художественного развития художественного текста: порыв в бесконечность, устремление к невозможному. Вторжение музыкальных символов недося-

трицей «Бог — природа — человек». Однако «музыкальная живопись» в русской вокальной музыке не только «изображается», но имплицитно сокровенные грани духовного единения с природой: в русской традиции созерцание окружающей природы позволяет приблизиться к Богу, ощутить Божественную сущность мира и увидеть идеальное в реальном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания / Н. Арутюнова. — М. : Наука, 1976. — 383 с.
2. Асафьев Б. Симфонические этюды / Б. Асафьев. — Л. : Музыка, 1970. — 264 с.
3. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения / Г. Башляр ; пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 1999. — 344 с. — (Французская философия XX века).
4. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. Бердяев. — М. : АСТ, 2011. — 640 с. — (Психология).
5. Библия. — М. : Рос. Библейское общество, 2011. — 1408 с.
6. Виноградов В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка / В. Виноградов. — М. — Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1935. — 621 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. — М., 1979. — Т. 2. — 1280 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В. Даль. — М., 1980. — Т. 4. — 1152 с.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — Т. 6, кн. 2: [О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка; Художник и художественность; О русской культуре]. — М.: Русская Книга, 1996. — 672 с.
10. Котельников В. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах / В. Котельников // Русская литература. — 1994. — № 1. — С. 3—41.
11. Мамардашвили М. Философские чтения / М. Мамардашвили. — СПб. : Азбука-классика, 2002. — 832 с.
12. Назайкинский Е. Логика музыкальной композиции / Е. Назайкинский. — М. : Музыка, 1982. — 319 с.
13. Ожегов С. Словарь русского языка / С. Ожегов. — М. : Русский язык, 1975. — Изд. 11-е. — 846 с.
14. Пеньковский А. Очерки по русской семантике / А. Пеньковский. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 464 с. — (Studia philologica).
15. Розанов В. Уединённое / В. Розанов. — М. : Издательство политической литературы, 1990. — 544 с. — (Мыслители XX века).

16. Серебрякова Л. Китеж: откровение Откровения / Л. Серебрякова // Музыкальная академия. — 1994. — № 2. — С. 90—106.
17. Тосин С. Г. Колокола и звоны в России / С. Г. Тосин. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 2-е изд., перераб. и доп. — 412 с.
18. Трубецкой Е. Избранные произведения / Е. Трубецкой. — Ростов н/Д : Феникс, 1998. — 512 с. — (Выдающиеся мыслители).
19. Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). — М. : Прогресс; Гнозис, 1991. — 192 с. — (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).
20. Флоровский Г. Тварь и тварность / Г. Флоровский : [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://krotov.info/library/f/florov/creat.html>
21. Цуккерман В. Выразительные средства лирики Чайковского / В. Цуккерман. — М. : Музыка, 1971. — 245 с.
22. Чигарева Е. О скрытом слове в музыке XX века / Е. Чигарева // Этот многообразный мир музыки... : Сборник статей к 80-летию М. Г. Арановского. — М. : Государственный институт искусствознания, 2010. — С. 179—186.
23. Швейцер А. И. С. Бах / А. Швейцер. — М. : Классика- XXI, 2002. — 816 с.
24. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Автор-составитель К. Королёв. — М. ; СПб. : Мидгард, Эксмо, 2008. — 608 с.

Кривошей І. Російський романс: біблейський мотив «Бог — Митець світу».

Стаття присвячена ролі біблейських мотивів та сюжетів у формуванні поетики російської вокальної музики. Складне перетинання авторського і біблейського контексту характеризується в аспекті ціннісно-змістових орієнтацій російської культури. Так, в російській традиції краса оточуючого світу завжди сприймалася як Божий промисел.

Ключові слова: камерна вокальна музика, російський романс, Біблія, біблеїзми, Бог, краса природи, споглядання, Божий промисел.

Krivoshej I. Russian romance: biblical motif «God — is the Painter of the world».

The article is devoted into the role of biblical motifs and subjects in forming of poetics of Russian chamber vocal music. The difficult crossing of author and biblical context is examined in the aspect of valued-semantic orientations of the Russian culture. In Russian tradition beauty of the world around was always perceived as Providence.

Key words: chamber vocal music, Russian romance, Bible, biblical words and phrases, God, beauty of nature, contemplation, Providence.

